

Рен никогда не видела такого жуткого перелома лучевой кости.

Она прокручивала в голове тот момент снова и снова, и каждый раз он словно застыл перед глазами. Мальчик, отчаянно пытающийся убежать, карабкается по дереву. Он цепляется пальцами за ветку. *Хруст* ломающегося дерева. *Хруст* ломающейся кости. И затем самое ужасное: вспышка ее магии, желающей исцелить его, когда он закричал.

Рен опустилась на колени, наблюдая, как Уна привязывает мальчика к дереву, с которого он упал. Роща была окружена тяжелым, как туман, мраком, и тот свет, что просачивался сквозь ветви ольхи, бросал на землю желтоватые блики и поблескивал на осколке кости. Она торчала из запястья, как заноза, ожидающая, когда ее вытащат.

«Волярное искривление, — подумала Рен. — Дорсальное смещение кости. И, без сомнения, сопутствующий перелом шиловидного отростка локтевой кости». Она с легкостью определила вид травмы и могла вылечить ее за считанные минуты.

— Не думай, что я не понимаю, о чем ты размышляешь. — Уна бросила цепь, и та с резким стуком ударилась о землю. Как всегда, она выглядела внушительно в черном военном мундире, строгие ряды пуговиц которого сверкали, как сталь. — Вражеские шпионы не заслуживают твоей жалости.

Может быть, и нет. Но они также не заслуживают и жестокого отношения. Рен подперла подбородок кулаками, ста-

раясь выглядеть беззаботной, хотя ее желудок скрутило от чувства вины.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Разве? Тогда, наверное, мне всего лишь почудился твой затуманенный взгляд.

Рен напряглась, но ничего не ответила. Все утро Уна была раздражительной, а Рен слишком устала, чтобы вступать в спор, которого они обе явно не хотят. *«Еще один час»*, — напомнила она себе. Достаточно скоро остальная часть их подразделения прибудет с повозкой, и они потащат пленника в Нокейн для надлежащего допроса.

Уна схватила рюкзак мальчика и ушла с поляны. Она остановилась на краю утеса, ее силуэт будто прорезал дыру в небе, покрасневшем от заката. Солнечный свет отражался в темноте ее глаз и подсвечивал каждую встревоженную морщинку на лице.

Рен вздохнула, ее дыхание образовало облачко пара в зимнем воздухе. Ее лучшая подруга всегда несла на плечах слишком большую ответственность. Как бы сильно ей сейчас ни хотелось придушить Уну, она сочувствовала ей. Времена, подобные нынешним, требовали жестоких мер.

За последние четыре месяца во время патрулирования границы Дану с Керносом и Весрией исчезло трое членов Королевской Гвардии, и королева Изабель поручила Уне разобраться в произошедшем. Точнее, когда каждая газетенка в городе опубликовала оскорбления в ее адрес, королева потребовала доказательств того, что именно ее злейшие враги — так называемые весрианские язычники — были ответственны за это. Хотя она заключила перемирие с Весрией уже год назад, ее подданные все еще были потрясены и озлоблены капитуляцией в многовековой священной войне. Теперь, когда хрупкий мир раскололся, королева не собиралась казаться беспомощной и послушной. Ни один выпад в ее сторону не останется безнаказанным.

Однако после трех недель поисков, жуткого мороза и бессонных ночей все, что Рен и Уна могли предложить Изабель,

был этот мальчик, чьим преступлением была всего лишь попытка убежать от них. В чем он совершенно не преуспел.

Рен изучала ужасную дугу его предплечья, неестественное положение большого пальца. Воздух наполнился знакомым запахом старой крови: соленой воды, ржавчины и жженого сахара. Магия бурлила внутри, стремилась исцелить его, но Рен знала, что Уна ни за что не позволит ей это сделать. Было до боли предсказуемо, как все дальше будет разворачиваться: эти моральные дебаты о том, правильно ли пытаться их пленника. Они знали друг друга слишком долго — уже пять лет, с тех пор как познакомились, будучи новобранцами в военной академии. Они вместе тренировались, вместе ели, вместе сражались на войне. И с тех пор...

Что ж, все стало сложнее.

Уна встретилась с ней взглядом, ее коса лежала на плече, как струйка темной воды. Рен отвернулась прежде, чем смогла понять, что блеснуло в глазах командира.

Тем не менее все, что могла гарантировать Уна, — это медленная смерть их пленника от инфекции. Выигрышный аргумент по медицинским соображениям, если не по моральным. Ей просто нужно было тщательно продумать свои действия.

Собравшись с духом, Рен подобралась к Уне так близко, как только осмелилась, снег слегка хрустел под ногами. Отсюда она могла видеть тени голых деревьев, вьющиеся, как виноградные лозы, по запястьям Уны. Они резко контрастировали с ее охристой кожей. Уна поднесла потрепанный блокнот к свету и прижала страницы пальцами, чтобы ветер не переворачивал их.

Рен поплотнее запахнула плащ и уткнулась носом в меховой воротник. За эти несколько недель они редко бывали понастоящему одни, и теперь, когда она загнала Уну в угол, она едва знала, что сказать. В конце концов она остановилась на том, что казалось наиболее честным.

— Ты в порядке?

Уна захлопнула блокнот.

— Почему спрашиваешь?

— Разрешешь говорить не по уставу? — сухо спросила Рен. Когда Уна бросила на нее раздраженный взгляд, она продолжила: — О, я не знаю. Просто догадка, учитывая, что ты весь день была резкой и угрюмой, а теперь решила, что тебе плевать на ребенка...

— Ребенка, — фыркнула Уна. — Ты слишком мягкая. Ему почти столько же, сколько было нам, когда нас призвали.

— Как бы то ни было, у него разовьется заражение крови.

Солнечный свет отразился в сабле на бедре Уны, и на одно ужасное мгновение рукоять показалась влажной от крови.

— Ладно. Может быть, это развяжет ему язык.

Рен рассмеялась над тем, насколько невыносимо типичной была Уна.

— Забудь о мальчике. Сейчас я беспокоюсь не о нем. Я волнуюсь о тебе. Я хотела проверить твоё состояние, потому что знаю, насколько... сложной оказалась миссия.

— Прошло много времени. Я просто хочу поскорее закончить с этим.

Избегание. Самый эффективный инструмент в арсенале Уны Драйден, позволяющий держать всех на тщательно отмеренном расстоянии. Рен хотела напомнить ей, что сейчас они здесь только вдвоем, но даже сдвинуть гору оказалось бы проще. Каждый из них справлялся с горем по-своему, и Рен признавала это — во всяком случае, пока.

Потому что, если быть честной, она не знала, сможет ли сама вынести разговор об этом. Она не была готова признать, что ей есть о чем горевать.

В прошлом месяце пропал сержант Джейкоб Байерс — ее единственный друг помимо Уны. Они спорили из-за обычных вещей: чья очередь покупать ужин, когда они задерживались на работе допоздна, или кто из них подаст документы Уне. А на следующий день он ушел на патрулирование границы с Весрией и Керносом. Благодаря мирному договору предполагалось, что эти миссии были всего лишь формальностью. Он должен был вернуться через неделю.

Но он так и не вернулся.

В самые мрачные моменты Рен жалела, что ее не было с ним. Может быть, тогда вместо него пропала бы она. Может быть, если бы она что-нибудь увидела — клочок его униформы или нож, забытый в снегу, — она смогла бы оплакать его должным образом. Но она отказывалась верить, что он умер. Пока она не получит ответы, она не сможет попрощаться с ним.

Этот заключенный — этот мальчик — не может ничего сделать, чтобы унять ее боль. С руками и ногами как у жеребенка и сопливым носом, он не выглядел способным даже на мелкую кражу, не говоря уже о похищении.

— А ты в порядке? — спросила Уна, отвлекая ее от размышлений.

«Нет», — хотела ответить Рен, но вместо этого сказала:

— Да.

— В самом деле? — протянула Уна. — Всего минуту назад ты выглядела так, словно хотела задушить меня этими цепями.

— И с какой стати мне это делать? Ты же всегда невероятно любезна.

Уна залилась лающим смехом.

— Теперь я знаю, что у тебя есть план действий. Выкладывай.

Рен подумывала сменить тему: в последние дни так редко можно было добиться улыбки от Уны. Но она должна была обеспечить безопасность мальчика, прежде чем позволить себе расслабиться.

— Позволь мне вылечить его руку. Иначе тебе придется допрашивать труп. У него разовьется некроз еще до того, как мы доберемся до Нокейна.

Сначала Уна никак не отреагировала. Она замерла, и Рен начало казаться, что та не услышала ни одного слова. Но затем Уна молча протянула ей блокнот.

Рен с опаской взялась за край.

— Что это?

— Посмотри сама.

Рен начала листать блокнот. Имена, описания внешности, написанные детскими каракулями, заполняли страницу за страницей. С ужасом она поняла, что знала всех этих людей. Жирные красные метки перечеркивали некоторые из них, но она не могла точно понять их смысл. Может быть, захваченные цели? Но нет — там было имя Байерса, без каких-либо пометок. Буквы стали сливаться из-за слез.

— Что это? — повторила она вопрос, не в силах скрыть нарастающий страх в голосе.

— Список всех солдат, патрулирующих эту часть границы за последний год. Я нашла это в его сумке. Похоже, он записывал потенциальных жертв.

Праведный протест пеплом рассыпался у нее во рту. Ее бросило в дрожь, когда она увидела очертания собственного имени. Решающим ударом стало имя Уны. Нет, этого не может быть.

— Все еще считаешь его невинным ребенком? — спросила Уна.

Прошипев сквозь зубы, Рен вернула ей блокнот. Мурашки от этих проклятых страниц все еще оставались на кончиках пальцев.

— Не важно, что я думаю. Важно, что он ранен.

— Напротив, очень важно, что ты думаешь. Каждый раз, когда тебе в голову приходит подобная идея, все идет наперекосяк.

— Это не так.

— Тогда позволь напомнить, как ты настояла на том, чтобы остановиться и вылечить солдата во время марша на Донн.

Это было лишним. Тщательное наказание со стороны начальства, а затем и королевы, гарантировало, что она никогда не забудет эту ошибку.

— Или, может быть, тот раз, когда ты хотела спасти бездомную собаку, попавшую под перекрестный огонь?

Теперь Уна была несправедлива. Рен почувствовала, как краснеет.

— Сейчас все по-другому.

— А вот и нет, — отрезала Уна. — Во всяком случае, ты болезненно предсказуема. Ты слишком легко отвлекаешься на чувства и весьма опрометчива. Мне нужно, чтобы ты была рядом, Рен, а королева уволит тебя за еще одно преступление. Его страдания — небольшая цена, которую нужно заплатить, особенно если он приложил руку к поимке Байерса. Он червяк, недостойный твоей жалости. Успокойся.

Но Рен не могла. Она не станет этого делать.

— Она не посмеет. Кто заменит меня?

Уна выглядела так, словно хотела что-то сказать, но сдержалась.

— У нее больше нет такого целителя, как я. Сколько жизней спас разработанный мной антибиотик? Сколько операций я помогла провести на поле битвы?

— Талант нетрудно найти. Все достижения медицины в мире не смогут вечно спасать тебя от нетерпения королевы.

— Зато спасет тот факт, что я лучший целитель в Гвардии.

Рен говорила себе это каждый день, но прямо сейчас она не была уверена, верит ли сама этим словам.

Изабель — или как ее незаконнорожденная племянница должна говорить? *«Ее величество»*? — до боли ясно дала понять, что еще одна ошибка приведет Рен обратно в Орден Девы. Она выросла в аббатстве, но оно не стало для нее домом. Там Рен была лишь изгнанницей: забытой, нежеланной, бесполезной.

Она никогда больше не хотела себя так чувствовать.

Медицина и магия помогли ей сбежать, но возвращение означало бы, что она действительно такая никчемная, какой ее считает королева. Поэтому она не могла позволить себе оплошать. Даже если их отношение к пленнику было жестоким. Даже если оно было неправильным.

— Лейтенант Сазерленд, — произнесла Уна. Такой дешевый трюк — ссылаться на звание в такое время. — Как твой командир, я несу за тебя ответственность. Твои ошибки — моя вина.

— О, давай обойдемся без этих речей.

— Довольно. — Праведность звенела в голосе Уны, как металл, а каждый слог был острым, как лезвие. — Пока сюда не придут остальные, я не дам мальчишке ни малейшей возможности сбежать. Я знаю, что ты считаешь меня жестокой, но он — наша единственная зацепка, чтобы найти Байерса.

Рен понимала это, но ее желудок все равно скручивало от чувства вины.

— Я собираюсь еще раз прочесать местность, так что не делай ничего безрассудного, пока меня не будет, — сказала Уна.

Слово «безрассудного» ударило Рен, как камешек в лоб. Она слышала его достаточно за эти годы, чтобы знать его истинное значение.

Эмоциональная. *Слабая.*

— Да, майор, — кисло пробормотала Рен.

Бросив последний хмурый взгляд на мальчика, Уна направилась к темному безмолвному лесу. Ее черные волосы развевались, как веревка палача, а хрупкие ветки хрустели под сапогами, как ломающиеся пальцы. Посмотрев ей вслед, Рен вздохнула с раздраженной тоской.

Хотя военная жизнь предлагала свободу от монастыря, клятва Рен Королевской Гвардии сама по себе мало что значила. Уна же всегда указывала ей цель. Несмотря на резкий характер, она заботилась о своей стране и своих подчиненных — о том, чтобы защитить их любой ценой. Следовать за ней — кредо, которое выбрала Рен, а не которое ей навязали.

«Мне нужно, чтобы ты была рядом».

И Рен будет рядом, даже если не всегда сможет переварить то, что повлечет за собой фраза «любой ценой». Она проклинала сочувствие, которое текло в крови, так же как и исцеляющая магия. Если бы только она могла избавиться от него, свести к чему-то излечимому, вроде болезни. Тогда все наверняка поняли бы, что ее место в Гвардии.

Рен рухнула на пожелтевшую подстилку из сосновых иголок и застонала от головной боли, расцветшей в висках от напряжения, и влажного холода земли, просачивающегося под

юбки. Деревья над головой блестели нежной корочкой льда. Теперь, когда они остались одни, она украдкой взглянула на мальчика. Его веснушчатое лицо было бескровным, таким же болезненно-бледным, как и обнаженная кость, — и благородным, но неубедительно стойким. Даже на расстоянии дрожь плеч выдавала в нем того, кем он был, — испуганным ребенком, сдерживающим слезы.

«Будь невозмутимой, — резко напомнила себе Рен. — Будь сильной».

Она не дрогнет. Не перед весрианским шпионом.

Они находились так близко к весрианской границе... Вполне логично предположить, что именно они похитили солдат, пусть доказательств пока и не было. Хотя ни одна из сторон официально не нарушила перемирия, Рен знала, что это только вопрос времени. Она выросла рядом с войной, чувствовала, как она надвигается, словно буря на горизонте. И как только она начнется...

Данийцы жили по основным принципам Триединой Богини, Тройственному Закону: что бы с вами ни сделали, пусть это будет возвращено в трехкратном размере. Рен повидала достаточно за военную службу, чтобы знать, что произойдет дальше. Города будут гореть в огне. Множество людей погибнут. Кровь будет платой за кровь, пока она не прольется вся, до последней капли.

На этот раз ни одна из стран этого не переживет.

Сдавленный всхлип вырвал ее из мыслей и сжал предательское сердце. Она обязана была перестать обращать на это внимание, но из-за магии сопереживала мальчику и чувствовала пульсацию в его искаленной руке. Это причиняло сильную боль. Так было всегда.

«Все так неправильно», — подумала она. Если она позволит мальчику страдать, пока они не приведут его к королеве, чтобы он ответил за свои преступления, насколько она будет лучше весрианцев?

Рюкзак Уны лежал рядом на припорошенной снегом траве, его передний карман был соблазнительно открыт.